

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТОВ ПИЩИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Статья рассматривает национально-культурную специфику концептов семантического поля «пища» на материале современного английского языка США. В работе приводятся основные точки зрения на природу концепта в лингвистике; анализируются корни использования «гастрономической» лексики в мифологии и фольклоре. На базе большого фактического материала рассматривается функционирование кулинарных терминов, содержание и структура стоящих за ними концептов и роль данных концептов в передаче этнопсихологической информации.

Рассматривая проблему отражения специфики национальной культуры в концептах семантического поля «пища», представленных в художественном и публицистическом тексте как продукте этой культуры, мы проводим анализ, в основном, на материале англоязычных текстов, представляющих современную американскую литературу, в которой, в силу специфики американского этноса, отражаются различные культуры и типы ментальности. Роль концептов семантического поля «пища» в плане выражения особенностей национальной культуры, специфики культурных сценариев и стереотипов велика. Каждый язык изобилует идиоматическими выражениями, построенными на основе концептов пищи.

Так сложилось исторически, что пища используется в качестве символов богатства, благодарности, а также для демонстрации положения в обществе и власти. Многочисленные деловые завтраки, обеды и ужины (ср. английские выражения:

«power breakfasts», «power lunches», etc.) имеют символический смысл и служат своеобразными катализаторами общения, что находит отражение и в литературе. Концепт «пища» — многослойный концепт; он включает в себя как конкретные названия отдельных блюд и продуктов, так и высокосимволические архетипические образы с сакральным смыслом божественного дара: «хлеб наш насущный даждь нам днесь».

Термин «концепт» употребляется нами в его антропоцентрическом аспекте, отражающем вербализованное в знаке коллективное или индивидуальное ментальное образование, связанное с определенным понятием, но не исчерпываемое им.

Использование термина «концепт» в лингвистике ведет свое начало от работы С. А. Аскольдова 1928 года¹ и получило распространение в этнолингвистике, лингвокультурологии и лексической семантике благодаря работам Д. С. Лихаче-

ва², Ю. С. Степанова³, А. Д. Шмелева⁴ и М. В. Никитина⁵. Особую актуальность приобрело использование термина «концепт» в русле исследований «язык и культура», проводимых А. Вежбицкой, где автору удалось убедительно показать некоторые «неуловимые» смыслы общего представления о предмете, идее и т. п., анализируя и сопоставляя их содержание в разных культурах⁶.

Идею неразрывной связи концепта и породившей его культуры подчеркивает в своей фундаментальной работе Ю. С. Степанов⁷, а В. В. Колесов пишет о национальном колорите, присущем концепту⁸, что подтверждается и нашими исследованиями.

Понятие концептосферы также очень важно для лингвокультурологических исследований. Совокупность концептов той или иной области представляет собой концептосферу языка. По мнению Д. С. Лихачева, слой концептов мало стабилен, чрезвычайно изменчив, так как он крайне заисим от носителя языка. Изучение концептосферы любого национального языка открывает ее неразрывную связь с культурой народа, в первую очередь, с литературой и устным народным творчеством. Многие исследователи подчеркивают особо важную роль литературы в формировании и поддержании концептосферы национального языка. Отсюда проистекает важность изучения текста как вместилища национально-специфических концептов, причем текст, в отличие от дискурса, отражает наиболее устойчивые и «отстоявшиеся» концепты национального сознания. Печально известные в истории факты сожжения «неудобных» и «опасных» текстов, а также запреты на пользование национальными языками (ср., например, языковую политику США в отношении индейских племен в XIX веке) также свидетельствуют о том, что язык, текст являются реальными и мощными компонентами культурной памяти народа.

А. Я. Гуревич делит концепты культуры на две группы: «космические», философские категории, которые называются

универсальными категориями культуры (время, пространство, причина, изменение, движение) и социальные категории, так называемые культурные категории (свобода, право, справедливость, труд, богатство, собственность)⁹.

В. А. Маслова предлагает выделить еще одну группу — категории национальной культуры (для русской культуры это — воля, доля, интеллигентность, соборность и т. п.)¹⁰. По ее мнению, культурно-специфических концептов в любом языке значительно больше, чем кажется на первый взгляд. Например, культурно-специфическим можно считать концепт «картошка». Для русских — это эталон скудного питания (ср. фразеологизм «сидеть на одной картошке»), но не только. Весьма интересные наблюдения над концептом «картошка» у русских содержатся в работе современного польского исследователя де Лазари:

*«Два года пришлось мне жить в России, чтобы осознать, что чужестранец не в состоянии понять эту страну, думая и рассуждая о ней на своем родном языке. Наконец, я понял, что русскую действительность следует познавать через русский язык и лишь потом, прожив здесь некоторое время, можно попробовать этот опыт перевести на польский язык. Когда я стал писать о России, заметил, что некоторые русские слова, хотя у них и есть польский эквивалент, говорят о другом опыте, о другом мире. Чем дольше здесь живу, тем лучше чувствую слова-ключи, слова-знаки, слова-мифы, обозначающие гораздо больше самих слов. Вот картошка... В Польше — это *kartofel* (все чаще *potato*), один из гарниров, и говорят, что от нее толстеют и едят все меньше.*

*Зато здесь картошка — это основа еды, ритуал и способ жизни. Весной картошку сажают, летом окучивают, осенью копают, а зимой на картошке зимуют. Ополячить картошку и назвать ее *kartofel* или *ziemniaki* — это лишит ее всего магического и живительного смысла. Даже больше — это переводить*

саму действительность (в значении латинского *transfere*), значит ... *терять ее в процессе перевода*»¹¹.

Концепты пищи привлекают к себе внимание высокой частотностью употребления выражающей их лексики и многочисленными описаниями культурных сценариев, связанных с приготовлением и употреблением пищи в текстах различных типов.

На наш взгляд, концепт «пища» так широко представлен в произведениях фольклора, литературы и публицистических материалах вследствие его первоочередной важности для поддержания жизни человека. Библейское изречение: «Хлеб будете добывать в поте лица своего» сводит воедино два ключевых концепта человеческого бытия — «пища» и «труд».

Концепт «пища» имеет глубокие культурные корни и давно является предметом изучения культурологов, антропологов и этнолингвистов. Исследователи этого явления отмечают, что объем понятия «пища» в мифологии определяется ее местом в противопоставлении «природа — культура». Принадлежащая первоначально природе пища используется уже как продукт культуры, как результат перехода от природы к культуре пищи. В этом смысле пища нейтрализует это противопоставление и является медиатором. По К. Леви-Строссу¹², структура кулинарно-пищевых режимов, характер и степень их вовлеченности в сферу культуры могут быть выражены различными противопоставлениями. Все эти противопоставления определяют смысл целой серии мифов о происхождении «кухни» (огня и вареной пищи) и регулируют систему пищевых запретов, а отчасти и рекомендаций. Вместе с тем и противопоставления, относящиеся собственно к культуре (*чужой — свой, женский — мужской, земной — небесный, вода — огонь, профанический — сакральный* и др.) имеют свое выражение и в кулинарно-пищевом коде, и в соответствующих режимах.

Противопоставление «своих» и «чужих» также выражается через различие в употребляемой пище. Так, различным культурам соответствуют разные кулинарно-пищевые режимы — вегетарианские и мясные, микофильские и микофобские (в зависимости от отношения к грибам) и др. Пища также противопоставляется по признакам: «мужская» — «женская», религиозно отмеченная и «бытовая», «божественная» и «дьявольская». «Своя» пища считается естественной и даже истинной, а «чужая» — «антипищей». Этот взгляд нашел отражение в мифах и преданиях, относящихся к периоду до начала «культуры».

Пища в мифах связана со всеми тремя элементами комплекса *смерть — плодородие — жизнь* и жертвоприношением, в котором мистерия смерти, гибели путем расчленения, разъятия частей, размельчения должна вызвать состояние плодородящего изобилия и жизненного цветения (ср. балладу Р. Бернса «Джон — Ячменное Зерно», основанную на фольклорных мотивах). По мнению О. Фрейдберга, пища не случайно выступает как отмеченная, маркирующая на рубеже любых двух временных циклов, т. е. на пороге нового, неизведанного состояния [вечерняя трапеза типа агапэ (вечерней любви) у ранних христиан или субботнее преломление хлеба у евреев, или годовое празднество на стыке старго и нового года, или рождественские или пасхальные изделия из теста и ритуальные блюда из мяса и птицы как пережиток]¹³.

Мифологическое значение пищи не исчерпывается мотивами ее происхождения. Растение, из которого происходит данная пища, как и сама пища, нередко персонифицируется и обожествляется (например, в рукописях майя — в виде юноши с головой, переходящей в початок кукурузы). Сюда же относится широкая сфера метафоризации разных видов пищи (бобы, например, как образ смерти и воскресения) и персонификации ее — чаще всего в форме фарса (ср. персонажей типа Жан Потанж — похлебка, Жан Фаринь — мука, Ян Пиккельгеринг —

маринованная селедка и многие другие). Не случайно, что на основе разных видов пищи развилась очень разветвленная «пищевая» образность: это и сравнения, уподобления, метафоры, и мотивы, и микросюжеты (по материалам энциклопедии «Мифы народов мира») ¹⁴.

Разделение культуры на «высокую» и «низкую», духовную и материальную весьма условно. Материальное часто идеализируется, а идеальное находит выражение в материальном (к примеру, даже такая сфера чисто духовного опыта, как религия, находит воплощение в многочисленных материальных объектах, относящихся к культовым артефактам). То же самое происходит и с объектами пищи в разных культурах, которые, помимо своих физических свойств, несут огромный духовный потенциал, отражающий один из важных аспектов концептосферы того или иного языка.

Так, например, в системе координат русских национально-специфических концептов концепт «хлеб» занимает одно из важнейших мест (ср. вошедшее в русскую фразеологию библейское «хлеб наш насущный» и национальный фразеологизм «хлеб всему голова»). Ю. С. Степанов совершенно справедливо относит концепт «хлеб» к константам русской культуры, получившим широкое отражение в древних ритуалах и культурных табу (выбрасывать несъеденный хлеб считается грехом), паремиологии, фольклоре, литературе и живописи. «Хлеб у русских — больше, чем пропитание, он — символ пропитания. Вот и сейчас часто говорят, например, «картошка — наш второй хлеб». Во Франции, в Испании нищие просят «на чашечку кофе», у нас — «на кусок хлеба» ¹⁵.

Немаловажное место в концептосфере русского языка занимает и концепт «закуска». А. Д. Шмелев относит слово «закуска» к ключевым словам русской культуры и связывает его с концептом «задушевное общение». Приводя разнообразные примеры из текстов русской классической литературы, автор доказывает, что расхожее мнение, что главный атри-

бут русского застолья — это выпивка, не вполне соответствует действительности: «Неповторимость русскому застолью придает не столько то, что оно предполагает обильные возлияния, сколько то, что выпивание сопровождается закуской и задушевным общением» ¹⁶. Автор считает, что слово «закуска» в значении «задушевное общение», а также выражение «выпить — закусить» являются лингвоспецифичными русскими словами.

О важности терминов, относящихся к пище для концептосферы современного английского языка США, свидетельствует ряд устойчивых выражений и символов, имеющих высокую частотность употребления и отражающих ту или иную сторону национального своеобразия, как, например, выражение «as American as an apple-pie». Метафоры, построенные на употреблении концептов пищи, яркие, понятны всем из-за универсальности самого концепта и выразительны (сравним, например, хорошо всем известные символы «salad bowl» и «pizza», пришедшие на смену символу «melting pot» для обозначения пестрого многонационального состава американского общества, объединенного в суперэтнос общностью территории, употреблением при общении английского языка и одинаковых идеологических установок).

Особый интерес представляет функционирование концептов пищи в качестве образов художественного текста. Наблюдения над этим явлением позволили нам выделить несколько функций, выполняемых лексикой, представляющей концептосферу «пища» в художественном тексте:

- создание местного колорита и описание обычаев изображаемого этноса;
- передача эмоций и черт характера изображаемого персонажа по принципу антропоморфизма;
- передача некоторых аспектов общего состояния социума, так называемого «вкуса эпохи» и национальной ментальности;
- трансляция основных национальных ценностей.

Рассмотрим подробнее каждую из перечисленных функций. Некоторые концепты пищи имеют достаточно яркую национальную специфику и включают в себя информацию о регионе, для которого характерен данный вид пищи, о роде занятий жителей этого региона и, в силу этого, об их гастрономических предпочтениях. Так, на американском Среднем Западе в фермерской среде, где люди заняты, в основном, животноводством, блюда из говядины и свинины — это самая традиционная и предпочитаемая пища. Человек, избегающий эту пищу, не воспринимается как «свой», что видно из диалога главных героев романа «Мосты округа Мэдисон»:

«You like pork chops? I could fix that with some vegetables from the garden.»

«Just the vegetables would be fine for me. I don't eat meat. Haven't for years.

No big deal, I just feel better that way.»

Francesca smiled again. «Around here that point of view would not be popular.

Richard and his friends would say you're trying to destroy their livelihood. I don't eat much meat myself, I'm not sure why, I just don't care for it. But every time I try a meatless supper on the family, there are howls of rebellion. So I've pretty much given up trying. It'll be fun figuring out something different for a change»¹⁷.

Описание национальной пищи часто создает впечатление экзотичности изображаемой обстановки, так как оно призвано информировать предполагаемого адресата об инокультурном коде, не всегда совпадающем с культурным кодом повествователя. Так, для приехавшей в Лондон чернокожей героини романа А. Уокер «Цвет сиреневый», которой до этого не приходилось выезжать из своего городка на Юге США, кажется странной английская традиция чаепития и использование сервиза:

«Tea» to the English is really a picnic indoors. Plenty of sandwiches and cookies and of course hot tea. We all used the same cups and plates»¹⁸.

Категория национально-культурного своеобразия художественного текста сближается с категорией информативности при описании местной пищи, которая, в свою очередь, обусловлена особенностями местного ландшафта, той природной среды, к которой человек вынужден приспособиться, чтобы выжить:

«Let's go have supper», muttered Quoye. «I can't handle this right now.»

«The dining room is closed to the public to-night. It's the curling championship dinner. They fixed us some chowder, but we'll have to get it ourselves and eat it here in the room.»

«I want meat», said Bunny. «I want meat chowder.»

«Too bad», said the aunt rather savagely, «it's not on the menu». To herself she added, eat fish or die¹⁹.

Помимо чисто «гастрономических» сведений, информирующих читателя о том, что на Ньюфаундленде самый распространенный продукт — это рыба, приведенный пример передает и особенности ментальности и национального характера народа Ньюфаундленда — силу духа и стоицизм — в эпиграмматическом «eat fish or die».

Образы национальной пищи появляются в описаниях праздников, встреч и просто как часть рутинной жизни персонажей, актуализируя национально-культурную информацию, заложенную в тексте:

«A section of lobster pie rose from the steaming dish, slid onto Dawn's plate.

«Oh, is it a lobster?» said Dawn.

«Yes, indeed», said the aunt. «Lobster pie, sweet as a nut»²⁰.

Образ жизни на Ньюфаундленде определяется близостью моря. Море здесь дает человеку работу, пищу, иногда «бесплатную добычу» (за счет кораблекрушения).

Англоязычная литература афроамериканских авторов дает нам примеры культурных сценариев, основанных на употреблении в пищу определенных

продуктов, связанных с соблюдением того или иного обычая или ритуала. Так, во многих африканских племенах знаком уважения к прибывшим гостям является преломление ореха кола и угощение присутствующих его кусочком. Во время этой церемонии произносится молитва о благополучии племени:

*He took a pot of palm — wine and cock to Nwakibie. Two elderly neighbors were sent for, and Nwakibie's two grown up sons were also present in his obi. He presented a cola nut and an alligator pepper, which were passed round for all to see and then returned to him. He broke the nut saying: We shall all live. We pray for life, children, a good harvest and happiness. You will have what is good for you and I will have what is good for me. Let the kite perch and let the eagle perch too. If one says no to the other, let his wing break*²¹.

Описание ритуала приема пищи передает информацию о духовных ценностях описываемого этноса. В данном случае это — толерантность, уважение чужой свободы, уважение к старшим:

*«Nna ayi». He said. «I have brought you this little cola. As our people say, a man who has respect to the great paves the way for his own greatness. I have come to pay you my respects and also to ask a favor. But let us drink the wine first»*²².

В этих описаниях на первый план выходит категория информативности художественного текста. Информация о пище, традициях, ценностях этноса, которой могут соответствовать лакуны в картине мира другого этноса, подается в виде подробных описаний, повторяющихся в качестве лейтмотива несколько раз в ходе повествования. Подобные повторы, на наш взгляд, являются сигналами внутритекстовой адресатности, подчеркивающими важность этой информации для представителей иной культуры.

Вторая группа примеров иллюстрирует использование концептов пищи в антропоморфной функции. Пища служит своеобразным медиумом, каналом пере-

дачи и обмена эмоционально-чувственной информацией между героями произведения. В романе Р. Д. Уоллера «Мосты округа Мэдисон» процесс приготовления пищи отражает настроение человека, его душевное и физическое состояние:

*«He stood two feet from her, looking down, cutting and chopping the carrots and turnips, parsnips and onions. Francesca peeled potatoes into the sink, aware of being so close to a strange man. She had never thought of peeling potatoes as having little slanting feelings connected with it»*²³.

Процесс приготовления пищи обычно связан с положительными эмоциями, так как он направлен на удовлетворение одной из самых насущных потребностей человека. Но, как известно, тело и душа, физическое и духовное тесно связаны между собой, поэтому приготовление пищи ассоциируется с мирной деятельностью, покоем, домашним теплом. Как показывают примеры, процесс приготовления пищи может передавать очень тонкие оттенки человеческих эмоций, например, зарождающуюся близость и любовь:

*«With the cooking under way, Francesca sat across from him again. Modest intimacy descended upon the kitchen. It came, somehow, from the cooking. Fixing supper for a stranger, with him chopping turnips and, therefore, distance, beside you, removed some of the strangeness. And with the loss of strangeness, there was space for intimacy»*²⁴.

Известная поговорка «человек есть то, что он ест» (you are what you eat), нашла свое отражение в романе «Мосты округа Мэдисон» в изображении взаимосвязи пищи и чувства в следующем описании:

«It already smells good», he said, pointing toward the stove. "It smells quiet". He looked at her».

«"Quiet? Could something smell quiet?" She was thinking about the phrase, asking herself. He was right. After the pork chops

and steaks and roasts she cooked for the family, this was quiet cooking. No violence involved anywhere down the food chain, except, maybe for pulling up the vegetables. The stew cooked quietly and smelled quiet. It was quiet here in the kitchen»²⁵.

Синестезия «smells quiet» и повтор эпитета «quiet» передает изменение привычного уклада жизни Франчески Джонсон, жены фермера из Айовы, которая до встречи с Робертом Кинкейдом обычно готовила «свинные котлеты, бифштексы и жаркое», что отвечало гастрономическим требованиям ее семейства. Смена пищевого кода на вегетарианский сигнализирует и о поворотном моменте в судьбе героини.

Следует отметить, что в то время, как гастрономическая лексика передает определенный национальный колорит, воссоздавая атмосферу описываемой местности, концепты пищи передают особенности менталитета, а также систему пищевых режимов и запретов, принятых в той или иной культуре. По замечанию Ю. С. Степанова, способ приготовления чего бы то ни было вообще в культурном отношении очень важен. Часто различия в способах обработки даже одного и того же вещества определяют различия культур или, по крайней мере, различие двух «парадигм», двух «стилей» в одной культуре.

Примером тому может служить роман современной мексиканской писательницы Лауры Эсквивель «Шоколад на крутом кипятке» («Like water for chocolate»). Роман, написанный на испанском языке, был переведен на английский, экранизирован, получил престижную премию американской книготорговой ассоциации и стал, по выражению критиков, неотъемлемой частью американской культурной памяти.

Вся композиция романа построена на кулинарной символической. У романа есть подзаголовок: «A Novel in Monthly Installments, with Recipes, Romances and Home Remedies», который, благодаря наличию в нем слов «recipes» и «remedies»,

переводимых на русский язык одним словом «рецепты» (в первом случае — кулинарные, во втором — медицинские), активизирует у читателя культурную пресуппозицию домашнего быта. Смысл эпиграфа «to the table or to bed you must come when you are bid» раскрывается полностью только по прочтении всего произведения — он отражает жесткость и неукоснительность предписаний, которыми регулировалась жизнь семьи мексиканского этноса на протяжении столетий.

Композиция романа полифонична: он строится как диалог «параллельных» текстов — основного повествования и кулинарных рецептов, с которых начинается каждая глава. Роман состоит из 12 глав, соответственно количеству месяцев в году. Каждому месяцу соответствует определенное блюдо, приготовление которого диктовалось сезонными либо ритуальными факторами, например:

Гл. I — January; Christmas Rolls;

Гл. II — February; Chabella Wedding Cake;

Гл. III — March; Quail in Rose Petal Sauce;

Гл. IV — April; Turkey Mole with Almonds and Sesame Seeds и т. д.

После названия блюда следует перечисление ингредиентов, в строгом порядке и с указанием количества, например:

Chiles in Walnut Sauce

INGREDIENTS:

25 chiles poblanas,

8 pomegranates,

100 cashew nuts,

100 grams aged fresh cheese,

1 kilo ground steak,

100 grams raisins,

¼ kilo almonds,

¼ kilo walnuts,

½ kilo tomatoes,

2 medium onions,

2 candied citrons,

1 peach,

1 apple,

cumin,

*white pepper,
salt,
sugar.*

Далее следуют указания по приготовлению блюда, изложенные, в соответствии с инструктивным стилем, в повелительном наклонении, например:

«Take the eggs, crack them, and separate the whites. Stir the six yolks with the cup of cream. Beat until the mixture becomes light. Pour it into a pot that has been greased with lard. The mixture should be no more than an inch thick in the baking pan. Place it on the heat, over a very low flame, and allow to thicken»²⁶.

Инструктивный стиль, использованный в начале каждой главы, подчеркивает главные темы романа — жесткие рамки патриархального уклада жизни и его влияние на свободу личности, четкая регламентация ролей в семье, возглавляемой сильной и властной женщиной; образ жизни, при котором традиции превращаются в оковы.

В романе силен гендерный аспект: повествование ведется от лица женщины, которая видит мир «через кухню», поэтому вся образность пронизана кулинарными терминами. При описании процесса приготовления такого блюда как «куропатка в соусе из розовых лепестков», через использование аналогии и сравнения показана искалеченная судьба главной героини романа Титы, которая, будучи младшим ребенком в семье, не имела права выходить замуж, так как должна была ухаживать за матерью до ее смерти. В приведенном ниже примере судьба главной героини сравнивается с судьбой недобитой куропатки:

«With a deep breath, she took hold of the first one and twisted its neck, as she had seen Nacha do so often, but she used too little force to kill the poor quail, which went running pitifully around the kitchen, its head hanging to one side. ... Mama Elena was merciless, killing with a single blow. But then again not always. For Tita she has made an exception, she had been killing her

a little at a time since she was a child, and she still hadn't quite finished her off. Pedro and Rosaura's marriage had left Tita broken in both heart and mind, like the quail»²⁷.

Через образы пищи, а также способ ее приготовления передается характер персонажей, ведущие черты их личности. Например, деспотизм Мамаи Елены проявляется через глаголы с семой «сокрушительного разрушения» в описании того, как она колет орехи и разделяет пищу для приготовления:

«Not only could she crack sack after sack of nuts in a short time, she seemed to take great pleasure in doing it.

Applying pressure, smashing to bits, skinning, those were among her favorite activities. The hours just flew by when she sat on the patio with a sack of nuts between her legs, not getting up until she was done with it»²⁸.

Емкость и культурная значимость концептов пищи проявляется и в сюжетной метафоре, основанной на образе шоколада. Сильная позиция — заголовок романа — представляет собой неполное сравнение (а именно, его обозначающее) — «like water for chocolate». Первую часть сравнения читатель реконструирует по мере прочтения романа. Становится ясно, что «like water for chocolate» — это условия, при которых формируется настоящее чувство. Описание рецепта приготовления шоколада содержится в главе IX «September. Chocolate and Three Kings' Day Bread»:

«The first step is to toast the chocolate beans. ...It's very important to pay attention to this sort of detail, since the goodness of the chocolate depends on three things, namely: that the chocolate beans used are good and without defect, that you mix several different types of beans to make the chocolate, and, finally, the amount of toasting.... When the water comes to a boil for the first time, remove it from the heat, and dissolve the chocolate completely; beat with a chocolate — mill until it is smoothly

blended with the water. Return the pan to the stove. When it comes to a boil again and starts to boil over, remove it from the heat. Put it back on the heat and bring it to a boil a third time. Remove from the heat and beat the chocolate. Pour half into a little pitcher and beat the rest of it some more. ...Hot chocolate can also be made using milk instead of water, but in this case, it should only be brought to a boil once ... However, hot chocolate made with water is more digestible than that made with milk»²⁹.

Процесс приготовления шоколада — это развернутая сюжетная метафора, в которой заключена информация о чувствах главных героев — два раза они «вскипают», раскаляются до определенного предела, но не могут привести к единению влюбленных из-за социальных препятствий и традиций. Лишь на третий раз шоколад доводится до кипения полностью — и чувства героев достигают своей кульминации в трагической развязке произведения.

Ситуация, связанная с ритуалом приготовления и приема пищи, может явиться причиной конфликта культур, как это показано в цикле рассказов Эми Тэн «Клуб радости и удачи» («The Joy Luck Club») на примере взаимодействия представителей американской и китайской культур. В представленной в тексте модели мира китайской культуры мастерство приготовления пищи занимает одно из центральных мест, особенно в жизни женщин. Это — средство самореализации и раскрытия собственного потенциала:

«I knew she would do this, because cooking was how my mother expressed her love, her pride, her power, her proof that she knew more than Auntie Su»³⁰.

Весь ритуал приема пищи в семье китайско-американского происхождения отличается от норм, принятых в том, что называют «mainstream American culture», и является «полем битвы» культурных стереотипов. Описание несовпадений культурного кода в рассказе Эми Тэн на-

чинается с самого начала обеда: американский жених приносит бутылку вина в дом, где даже не держат бокалов для вина, так как традиция употребления вина не распространена в среде китайских эмигрантов старшего поколения. То, что жених китайской девушки, Рич (антропоним Rich имеет суггестивную силу и может вызвать ассоциации со словом «wealth», подчеркивая один из стереотипов, в соответствии с которым признак «богатый» связывается с понятием «американец»), принадлежит к другой культуре, к лагерю «чужих», иронически подчеркивается автором на протяжении всего описания обеда, к примеру в эпизоде где он попадает в неловкую ситуацию, пытаясь есть с помощью китайских палочек:

«When I offered Rich a fork, he insisted on using the slippery ivory chopsticks. He held them splayed like the knock-kneed legs of an ostrich while picking up a large chunk of sauce-coated eggplant. Halfway between his plate and his open mouth the chunk fell on his crisp white shirt and then slid into his cronch. It took several minutes to get Shoshane to stop shrieking with laughter»³¹.

Конфликт культур достигает своей кульминации в конце обеда, когда расхождение в традициях поведения во время «гастрономического ритуала» проявляет себя особенно ярко. По китайскому обычаю, хозяйка критикует приготовленное ею блюдо, находя в нем тот или иной недостаток, что остальные гости или члены семьи должны шумно опровергнуть и высказать хозяйке комплименты по поводу этого блюда. Герой рассказа, не знакомый с культурным кодом другого этноса, воспринимает многие вещи просто буквально и начинает действительно критиковать фирменное блюдо хозяйки:

«But the worst was when Rich criticized my mother's cooking, and he didn't even know what he had done. As is the Chinese cook's custom, my mother always made disparaging remarks about her cooking. That

night she chose to direct it toward her famous steamed pork preserved vegetable dish, which she always served with special pride.... But before we could do so, Rich said, «You know, all it needs is a little soy sauce.» And he proceeded to pour a riverful of the salty black stuff on the platter, right before my mother's horrified eyes»³².

Таким образом, концепт «обед» представлен здесь как концепт-сценарий, включающий в себя целый набор культурно-обусловленного поведения. К концу вечера план помолвки почти расстроен. Конфликт культур, проявивший себя в «пищевом коде», — это только малая часть айсберга межкультурной коммуникации, но он влечет за собой более глубокий конфликт, за которым стоит разница двух ментальностей и двух плохо совмещающихся картин мира. В то время как девушка ведет речь о ценностях, ее жених, понимая фразу буквально, говорит о том, что мать плохо говорит по-английски:

«You don't understand. You don't understand my mother». Rich shook his head. «Whew! You can say that again. Her English was so bad. You know, when she was talking about that dead guy showing up on Dynasty, I thought she was talking about something that happened in China a long time ago»³³.

Термины пищи в художественном тексте часто символизируются, передавая «вкус эпохи» (позволим себе употребить еще одну гастрономическую метафору). Следующая группа примеров иллюстрирует употребление концептов пищи в качестве символов либо богатства, изобилия, плодородия, либо скудности существования. В публицистическом произведении А. Леопольда «Альманах песчаного графства», написанном с точки зрения эколога и природоохранителя, содержится описание блюда, приготовленного из оленины, символизирующего изобильную природу Среднего Запада США и даже его преобладающий гористый ландшафт:

«Every region has a human food symbolic of its fatness. The hills of the Gavilan find their gastronomic epitome in this wise: Kill a mast-fed buck, not earlier than November, not later than January. Hang him in a live-oak tree for seven frosts and seven suns. Then cut out the half-frozen «straps» from their bed of tallow under the saddle, and slice them transversely into steaks. Rub each steak with salt, pepper and flour. Throw into a Dutch oven containing deep smoking-hot bear fat and standing on live-oak coals. Fish out the steaks at the first sight of browning. Throw a little flour into the fat, then ice-cold water, then milk. Lay a steak on the summit of a steaming sour-dough biscuit and drown both in gravy. This structure is symbolic. The buck lies on his mountain, and the golden gravy is the sunshine that floods his days, even unto the end»³⁴.

Использование одного из концептов поля «пища» в качестве символа родины находим и в стихотворении современного американского писателя китайского происхождения Ли-Янг Ли «Хурма» («Persimmons»). Стихотворение начинается с описания ситуации конфликта культур, который вспыхивает между американской учительницей и учеником-китайцем:

«In sixth grade Mrs. Walker slapped the back of my head and made me stand in the corner for not knowing the difference between *persimmon* and *precision*.»

Парономастический эффект этой пары слов служит основой для создания окказионального смысла, который сближает значения этих семантически несхожих лексических единиц:

«How to choose persimmons. This is *precision*.»

Такое обращение с языком и, в частности, с лексикой, отражает ментальность индивидуума, находящегося в процессе освоения неродного для него языка, сама фонетическая форма которого обладает в его восприятии особой сугге-

стивной силой. Свести вместе «*precision*» и «*precision*» может только «свежий» взгляд на язык, свободный от традиции и обладающий особой остротой восприятия. Наблюдение за позицией «не-носителя» языка позволяет открывать новые аспекты выразительности внешней и внутренней формы слова и дает слову новую жизнь.

Как и во многих произведениях, посвященных изображению национального духа того или иного этноса, изображение глубинных, внутренних его свойств передается через внешние проявления и, в частности, через образы пищи.

Образ хурмы, центральный для данного стихотворения, разворачивается в контексте стихотворения и начинает символизировать Китай в следующей фразе:

«Mrs. Walker brought a persimmon to class and cut it up so everyone could taste a Chinese apple.»

К читателю приходит понимание того, что хурма («*persimmon*») является для Китая тем же, чем для него яблоко, и приобретает экзотичность только в контексте другой культуры. Развиваясь далее, образ «*persimmon*» начинает символизировать и солнце, являясь в данном случае авторским символом.

«My mother said every persimmon has a sun inside, something golden, glowing, warm as my face.»

В контексте смысловой объем слова «*persimmon*» разрастается, и оно становится также символом сыновней любви:

«Finally understanding he was going blind, my father sat up all one night waiting for a song, a ghost. I gave him the persimmons, swelled, heavy as sadness, and sweet as love.»

Ностальгия, поиски утраченной национальной идентичности находят свое выражение в образах, передающих идею родительского дома и утраченных ценностей. Образ «*persimmons*» связан в воспоминаниях лирического героя с образом отца. Отец, теперь ослепший, когда-то в

прошлом рисовал картины, и на одной из них изобразил хурму:

«I sit beside him and untie three paintings by my father: hibiscus leaf and a white flower. Two cats preening. Two persimmons, so full they want to drop from the cloth.»

Традиционное восточное уважение к старшему поколению, к родителям, находит свое выражение и в композиции стихотворения. Слово «*Father*», наряду со словом «*persimmon*», находится в сильной позиции в одной из завершающих строк.

«He raises both hands to touch the cloth, asks, Which is this?»

This is persimmon, Father.»

Образы «*persimmons*» и «*father*» стоят в одном ряду, сближаются семантически в контексте стихотворения, и оба символизируют родину для человека, оказавшегося в другой стране, в иной культуре. «*Persimmon*» — продукт материальной культуры, понятие, относящееся к концептуальному полю «пища» и поэтому, как может показаться, нечто прозаичное и приземленное. «*Father*» — это концепт и духовный, и физический, выражающий в данном стихотворении идею любви, уважения, связи поколений. Тем не менее оба эти образа, и «обыденный» и «высокий», выражают идею родины, которая воплощается для конкретного человека не столько в абстрактных ценностях, сколько в мелочах быта, заключающих в себе дух повседневной жизни с ее насущными заботами.

Концовка стихотворения снова привлекает внимание читателя к паронимам «*precision*» и «*persimmons*». Чтобы рисовать картины, и, в частности, «*persimmons*» (хурму), нужна точность (*precision*). В концовке стихотворения слово «*persimmon*» становится символом любви, родины и культурной памяти:

*Some things never leave a person:
Scent of the hair of one you love,
The texture of persimmons,
In your palm, the ripe weight³⁵.*

Концепты пищи, функционирующие в художественном тексте, как правило, передают информацию с положительной оценкой, однако есть и противоположные примеры. Для сравнения обратимся к современной русской литературе: в романе В. Пелевина «Омон Ра»³⁶ стандартный набор продуктов становится символом советской эпохи дефицита и передает скудность идеалов и убеждений. Здесь трижды повторяется один и тот же «гастрономический образ»: суп с макаронными звездочками, курица с рисом и компот. Описание стандартного обеда сопутствует переломным моментам в жизни героя: детство — пионерлагерь; юность — учеба в училище и побег из «лжекосмоса» (метро). Описание обеда дается в эмоционально-сниженном ключе:

(1) Это была столовая, где нас ждал холодный обед, хотя пора было ужинать, — мы приехали на несколько часов позже, чем ожидалось. Обед был довольно невкусный — суп с макаронными звездочками, курица с рисом и компот (С. 18).

(2) Потом нам показали наши места в казарме первого курса, куда нас перемещали из палаток, и повели в столовую. С ее потолка свисали на нитях пыльные МиГи и Илы, казавшиеся громадными воздушными островами рядом с Эскадрильями быстрых черных мух. Обед был довольно невкусный: суп с макаронными звездочками, курица с рисом и компот. После еды очень захотелось спать; мы с Митьком еле добрались до коек, и я сразу уснул (С. 38).

(3) ...я без особых колебаний шагнул в раскрывшуюся дверь. Она закрылась, и поезд повез меня в новую жизнь. «Полет продолжается», — подумал я. Половина лампочек в луноходе не горела, и свет от этого казался каким-то прокисшим. Я уселся на лавку; сидевшая рядом женщина рефлекторно сжала ноги, отодвинулась и поставила в освободившееся между нами пространство сетку с продуктами — там было несколько пачек риса,

упаковка макаронных звездочек и мороженая курица в целлофановом мешке (С. 162).

Жизнь идет по кругу: герой растет, затем взрослеет, но находится все в той же системе координат, которая выражается, в частности, и в малопривлекательном образе замороженной курицы. Только лишь в самой концовке романа намечена идея прорыва.

Описания пищи, подаваемой в особо значимых ситуациях, можно встретить и в публицистическом стиле. Так, при описании визита президента России В. В. Путина на ранчо президента США Дж. Буша корреспондент Белого Дома дает подробное описание обеда. В тексте дается точное перечисление всех блюд:

The menu, Fleisher said, «will include Mexican guacomole salad, mesquite-smoked peppered beef tenderloin, southern-fried catfish, fire-roasted potatoes with poblano peppers, old fashioned green beans, grilled sourdough bread, Texan onion butter, cornbread muffins, pecan pie and Bluebell vanilla ice-cream»³⁷.

Как верно заметил А. Леопольд в «Альманахе песчаного графства»: «every region has a human food symbolic of it fatness» (в каждом регионе есть пища, символизирующая его плодородие). Вполне понятно, что, давая обед для представителя другого этноса и другой страны, президент США старается показать своему гостю через пищу особый колорит своей страны, «вкус» Америки — и в прямом, и в переносном смысле. Перечисление названий блюд из мяса, рыбы, овощей, зерновых и молока символизирует изобильность и плодородие американской природы. То, что обед дается на ранчо, также влияет на выбор блюд. Все они имеют национальный колорит. Концепты, стоящие за названиями блюд, включают в себя информацию об особенностях географического и исторического развития страны. Так, например, концепт названия блюда «mesquite-smoked peppered beef tenderloin» (говя-

жий филей, подкопченный на дыме от веточек кустарника «мескит» (семейство мимозовых) несет в себе следующую информацию: блюда из говядины — это самая распространенная еда на Среднем Западе и Юге США, так как животноводство являлось и является основным родом занятий хозяйствующих здесь фермеров; кустарник «мескит» широко распространен именно на юго-западе США и в Мексике, поэтому он используется при приготовлении местных блюд.

«Guacomole» — это блюдо, заимствованное американцами из мексиканской кухни, кулинария которой, наряду с испанскими языковыми заимствованиями, вошла в состав американской национальной культуры благодаря тесным историческим контактам США и Мексики. Это особенно характерно для штата Техас, в котором как раз и проходила встреча на высшем уровне, так как процесс взаимодействия двух этносов проходил в этом штате с особой интенсивностью. То, что обед проходит на ранчо, в неформальной обстановке, обуславливает выбор продуктов — potatoes, pepper, green beans — все это входит в каждодневный рацион жителей данного региона США и подчеркивает демократичный характер общения двух президентов, которые едят те же блюда, что и обычные фермеры.

Национальное своеобразие многих блюд подчеркивается указанием способа их приготовления, выраженного через определения: mesquite-smoked, southern-fried, fire-roasted, old fashioned, grilled. Среди названий блюд много так называемых реалий, которые характерны только для данного региона и создают впечатление «экзотичности» у представителей других культур — это все тот же «guacomole salad», «poblano peppers», «Texan onion butter», «pecan pie». Как и без основного продукта животноводства — «beef», присутствующего в названии мясного блюда, было бы невозможно представить себе американский обед, особенно на юго-западе, и без блюда из кукурузы — «corn». Значение этого растения для американской культуры вели-

ко. Корни почитания этой сельскохозяйственной культуры идут еще от древних индейцев Майя, которые обожествляли кукурузу и в мифологических рисунках изображали ее в образе юноши с прической из кукурузного початка. Кукурузные поля являются символом штата Айова (Средний Запад) и одним из рекуррентных образов в американской литературе; эта традиция находит свое выражение и в названии блюда «cornbread muffins», которым угощают российского президента. Информацию об исключительности некоторых блюд, их национальном своеобразии, передает также определение «Texan» в выражении «Texan onion butter».

Синергетический эффект взаимодействия вышеперечисленных концептов состоит в передаче информации двух видов: (1) — национально-культурной, раскрывающей особенности пищевого режима данного региона и, соответственно, своеобразие природы, обеспечивающей этот режим и (2) — символической, передающей идею изобильности американской природы, демократичности бытового поведения президента Дж. Буша — и, таким образом, определенный аспект американского национального духа.

Рассмотрев функционирование концептов пищи в художественном и публицистическом тексте, можно сделать определенные выводы. Описания пищи являются одной из рекуррентных тем художественных текстов. Это связано с тем, что, наряду с языком, пища является мощным средством национальной идентификации, отличая «своих» от «чужих», и эта ее функция имеет глубокие исторические корни. Мифологическое значение определенных пищевых ритуалов уже не осознается современным человеком, но входит в структуру соответствующих культурных сценариев.

Концепты пищи, функционирующие в художественном тексте, содержат большой пласт национально-культурной информации. Как правило, они представлены образами пищи, наиболее характерной для описываемого регио-

на, тем, что по-английски называется «soul food». Концепты пищи несут богатую информацию о географических факторах, распространенности той или иной пищи среди описываемого этноса, о пищевых режимах и традициях, принятых в данном социуме, и о культурных сценариях.

Концепты пищи, употребляемые в качестве образов в художественном тексте, часто обладают антропоморфными свойствами и служат средством передачи внутреннего эмоционального состояния персонажей. Употребление концептов пищи в качестве символов может и отражать определенные смыслы в судьбе описываемых персонажей, и являться характеристикой «вкуса» эпохи — ее изобильности или скудности.

С точки зрения классификации концептов по типу структурирования пред-

ставленной в них информации, можно выделить концепты — гипонимы, связанные с тем или иным конкретным продуктом или блюдом, входящим в гипероним «пища». Данные гипонимы, в свою очередь, также представлены концептами разной структуры: это концепты — «мыслительные картинки» (например, названия некоторых продуктов и блюд: «chili mulattos», «ox-tail soup») и концепты-сценарии (реализующие в плане своего содержания идею развития: например, «dinner»).

Изучение содержания концептов пищи и их функционирования в художественном и публицистическом тексте в рамках когнитивной научной парадигмы будет способствовать более полному описанию концептосферы современного английского языка США и отдельных культурных концептов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Аскольдов С. А.* Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. М., 1997.
- ² *Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. М., 1997.
- ³ *Степанов Ю. С.* Константы: словарь русской культуры. М., 2001.
- ⁴ *Шмелев А. Д.* Ключевые концепты русской культуры. М., 2002.
- ⁵ *Никитин М. В.* Курс лингвистической семантики. СПб., 1997.
- ⁶ *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.
- ⁷ *Степанов Ю. С.* Цитир. изд.
- ⁸ *Колесов В. В.* «Жизнь происходит от слова...». СПб., 1999.
- ⁹ *Гуревич А. Я.* Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры. М., 1990.
- ¹⁰ *Маслова В. А.* Лингвокультурология. М., 2001.
- ¹¹ *Лазари А. де.* Польские исследования об идеях в России // Философский век. Альманах. Вып. 17. История идей как методология гуманитарных исследований. Ч. I. СПб., 2001.
- ¹² *Леви-Стросс К.* Мифологии. Сырое и приготовленное. Т. 1. М.; СПб., 1999.
- ¹³ *Фрейдберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. Л., 1936.
- ¹⁴ Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1987–1988.
- ¹⁵ *Степанов Ю. С.* Цитир. изд. С. 285.
- ¹⁶ *Шмелев А. Д.* Цитир. изд. С. 165.
- ¹⁷ *Waller R. J.* The Bridges of Madison County. N. Y., 1992. P. 43.
- ¹⁸ *Walker A.* The Color Purple. N. Y., 1982. P. 144.
- ¹⁹ *Proulx A. E.* The Shipping News. Scribner, 1994. С. 74.
- ²⁰ Там же. С. 152.
- ²¹ *Achebe C.* Things Fall Apart. London: Heinemann, 1996. P. 19.
- ²² Там же. С. 20.
- ²³ *Waller R. T.* P. 49.
- ²⁴ Там же. С. 53.
- ²⁵ Там же. С. 54.
- ²⁶ *Esquivel L.* Like Water for Chocolate. N. Y., Doubleday, 1992. P. 187.
- ²⁷ Там же. С. 49.
- ²⁸ Там же. С. 230.

-
- ²⁹ Там же. С. 165–178.
- ³⁰ *Tan A.* The Joy Luck Club. From: Ford M. Coming from Home: Readings for Writers. N. Y., McGraw-Hill, Inc., 1993.
- ³¹ Там же. С. 293.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. С. 294.
- ³⁴ *Leopold A.* A Sand County Almanac. Balantine Books, 1990. С. 40.
- ³⁵ *Young Lee.* Persimmons. From: Rose. BOA, N. Y., 1986. P. 60.
- ³⁶ *Пелевин В.* ОМОН Ра. М., 2001.
- ³⁷ *Ross W.* President Bush Hosts Russia's President Putin at His Texas Ranch. www.whitehouse.gov

N. Bochegova

THE NATIONAL PECULIARITIES OF THE CONCEPTS OF «FOOD» IN THE ENGLISH LANGUAGE

The article considers national cultural peculiarities of the concepts belonging to the semantic field of «food» in the modern American English. A review of the main points of view on the nature of the concept in linguistics is presented; the roots of the use of «gastronomical» lexis in mythology and folklore are analyzed. On the basis of the analysis of an extensive factual material represented by works of contemporary American writers and newspaper texts, the content and structure of the concepts, represented by culinary terms is described, and their role in transferring ethnopsychological information is defined.